

ДОКЛАД

**«ОБЩЕСТВО БЕЗ ОППОЗИЦИИ»:
кризис левых в эпоху неолиберализма и после**

Экспертная группа:

Коряковцев А.А., руководитель

Колташов В.Г.

Албу А.Д.

Вискунов С.В.

Рунько С.С.

17 июля 2019 года,

Москва, Россия

Существует ли проблема левых, проблема левой идеологии и практики? Не слишком ли затянулись «временные трудности» и «отступление социализма», о которых говорят в левой среде? Является ли решением изучение марксизма в его виде, характерном для начала XX века, или необходимо что-то понять? Почему не удастся «разбудить» рабочий класс? Почему вместо ответов на вопросы левое политическое поле рождает лишь секты и многочисленных «вождей»? Отчего левые так легко оказываются пособниками неолибералов? Как стало возможным «общество без оппозиции»? Какова его природа? Что с этим делать? Есть ли у левых перспектива? Где искать выход?

Основные выводы:

1. Признавая рост популярности левых идей в современной России, да и во всем мире, необходимо подчеркнуть заведомую ограниченность и временный характер этого успеха. В лучшем случае, они завоевывают умы и даже определяют практическое действие своих сторонников. Но суть в том, что в своем нынешнем состоянии, равно как и практика левых, они не ведут к прорыву за пределы капитализма и не освещают никакой реальной альтернативы ему.
2. Причиной этому является организационная, идейная и политическая несамостоятельность левого движения и незрелость его традиционной социальной базы – промышленного пролетариата. По летоисчислению европейского революционного движения, по уровню своего политического самосознания трудящиеся находятся сейчас примерно в веке XVI-XVIII. Марксистскую теорию самоосвобождения рабочего класса при этом заменяет теория просветительская, светская утопия или религиозный хилиазм, в которых трудящиеся фигурируют как объект организационного и идейного воздействия со стороны носителей Высшего Разума.

3. Поскольку в обществе отсутствует *революционный класс*, варианты эволюции российского *капитализма* определены интересами разных группировок господствующего класса. Первый, условно говоря, «майданный» вариант извне управляемого переворота, реализует компрадорскую программу. Второй, «неомеркантилистский»¹ вариант, представляет собой отход государства и крупного капитала от неолиберальных, фритрейдерских, практик в сторону протекционизма, поощряющего развитие отечественной промышленности.

4. В данных условиях и в этой перспективе рациональная стратегия левого движения в период его новейшего *становления*, когда оно не имеет широкой социальной базы и ограничено узким кругом энтузиастов, должна состоять в самоорганизации и поиске собственной теории, в отстаивании своей идейной и политической *самостоятельности* и независимости от каких бы то ни было политических сил.

1. Скрытый характер кризиса современного левого движения.

1.1. Краткая история упадка левых в постсоветской России.

Кризис глобальной экономики капитализма, начавшийся в 2008 году, хотя и вызвал невиданный с XX века массовый антикапиталистический протест во многих развитых странах мира, но не вывел левую теоретическую мысль и левое движение из практического коллапса и идейного ступора. Кризис левого движения и левой теории (в частности, марксизма) продолжается и теперь, только в *скрытом виде*.

В России латентный кризис левых начался в позднесоветскую эпоху. Многочисленные «неформалы» и тогда пытались повторить опыт большевиков, меньшевиков, троцкистов и анархистов всех толков, обращаясь к фабрично-заводским рабочим, дабы поднять их на борьбу с «партномеклатурой». Но

1

. В. Колташов. Российский капитализм будет драться // http://so-l.ru/news/y/2018_01_30_rossiyskiy_kapitalizm_budet_dratsya (Режим доступа: 21.04.2018); Коряковцев А.А., Колташов В.Г. Новейший поворот в мировой экономике // Эксперт Урал. 2019. № 23. 3-9 июня. С. 32.

советские рабочие в те годы, если и решались на забастовки и другие акции протеста, то, как правило, с исключительно противоположными целями: они требовали *приватизации*, рачительного частного собственника, доброго барина, как это было, например, на бастующих шахтах Южного Урала. Социальные программы левых оказались не востребованы, сами левые — дезорганизованы и деморализованы к концу 1980-х. К 1989 году в общественном сознании и протестном движении СССР произошел массовый мировоззренческий поворот «слева-направо». Ускоренный путчем ГКЧП, этот идейный кульбит идеологически санкционировал приход к власти крупного номенклатурного капитала. Под прикрытием болтовни о либеральных свободах и формальной демократии начались разворовывание государственного хозяйства, структурная перестройка бывшего советского господствующего класса, превращение номенклатурной власти в частнокапиталистическую собственность.

Понадобилось более тридцати лет, чтобы гражданское общество опомнилось и, под влиянием капиталистического воспитания, хотя бы отчасти, начало обратную идейную эволюцию: «справа-налево». Новейшая история России, как и в годы Перестройки, начала заново переосмысливаться.

1.2. Красное возрождение как карикатура на самого себя.

В последнее время, как грибы после дождя, вновь начинают плодиться левые политические организации: Левый Фронт, Рот Фронт, Освобождение Труда, Комитет за Рабочий Интернационал, Российская Коммунистическая Рабочая Партия, Всероссийская Коммунистическая Партия (большевиков), Объединенные Коммунисты, Российское Социалистическое Движение, «Аврора» и т.д. Возможно, среди новых левых партий есть некоторое количество спойлеров, созданных властями в качестве средств борьбы с влиянием КПРФ. Но все левое «несистемное» движение к ним не сводится. И тот факт, что в целом оно наступает на старые исторические грабли, только подражая наиболее успешной из всех антикапиталистических революций — Октябрьской, — это результат отнюдь не хитроумной «кремлевской

манипуляции», а свидетельство его внутренних не решенных проблем. Вовсе не случайно, что ни одна из новых левых партийных организаций не становится массовой.

Когда социальный протест третий раз за сто лет сводится к расширенному воспроизводству «вождей мирового пролетариата», то пролетариат имеет полное моральное право проигнорировать как своих «вождей», так и иницилируемый ими социальный протест. Мы можем наблюдать это и на Западе. Всюду, где массовые антикапиталистические настроения имеют место, они выражаются отнюдь не в канонически-марксистских формах. И всюду попытки воспроизвести последние очень быстро приобретают черты трагикомической карикатуры.

Что касается КПРФ, то необходимо отметить ее противоречивую общественную роль. С одной стороны, она является «системной» партией. Ее руководство (включая региональное) встроено в вертикаль власти и опирается на поддержку провинциального капитала и части промышленной номенклатуры. С другой стороны, использование коммунистического бренда делает ее привлекательной для несоветистски настроенного электората, который получает благодаря участию в ее структурах возможность не только для социального лифта, но и для легитимного выражения протестных настроений. На региональном уровне этот протест может иметь хотя бы частичный успех, ибо поддерживается и используется властными группировками в своих целях и усиливает конкуренцию между ними (как это было во время «малахитовой революции» на Среднем Урале 2014-15 гг.). Однако ни о каком *возрождении независимого рабочего движения* в данном случае говорить не приходится.

1.3. Невозможность конструктивной силы и «обрядовый марксизм».

В настоящее время левые организации в России, будучи лишены массовой социальной базы в среде трудящихся, но борясь против правительства, объективно косвенно, а зачастую и прямо выступают на стороне либеральной,

компрадорской партии, находящейся в оппозиции. Не в малой степени этому способствует непонимание ими особенностей внешней политической обстановки, а так же патриотических настроений в обществе, которые они воспринимают как навязанный рабочему классу буржуазно-государственный образ видения мира, изначально чуждый ему и потому не заслуживающий ничего кроме порицания. Всякая же критика в адрес либеральной партии даже с левых позиций (как предостережение «оранжевой революции», управляемого извне переворота), понимается ими превратно, как поддержка правительства.

В итоге складывается ситуация, когда существование конструктивной оппозиционной политической силы на практике оказывается в принципе невозможным.

1.4. Постановка задачи в новой обстановке.

Признавая нынешний рост популярности марксизма, необходимо подчеркнуть заведомую ограниченность и временный характер этого успеха. В лучшем случае, марксизм завоевывает умы и даже определяет практическое действие своих сторонников. Но суть в том, что он в своем нынешнем состоянии, равно как и практика марксистов, не ведет к прорыву за пределы капитализма. Возрождение его популярности не означает автоматического разрешения его внутренних проблем, точно так же, как и его упадок в недалеком прошлом ничего не говорил об успешном разрешении *ключевых* противоречий капитализма.

Экономические и социальные успехи капиталистического общества не опровергают марксизм (кстати, сам Маркс эти успехи всегда подчеркивал). Но и кризис капитализма сам по себе не означает преодоления внутренних проблем марксистской теории. Последняя не сводится к критике капитализма, постольку, поскольку эта критика только тогда достигнет успеха, когда станет позитивной, иначе говоря, будет в себя включать выходящее за рамки капитализма содержание.

Необходимо признать, что марксистское учение продемонстрировало неубедительность относительно современного (реформированного) капитализма и, следовательно, относительно самого себя, с точки зрения своего собственного содержания и методологии, созданных как критика настоящего и определение перспективы будущего.

В данном докладе, базирующемся на ранее проведенном, но разрозненно опубликованном анализе, мы рассмотрим причины, формы проявления и возможные результаты кризиса левого движения.

2. Симптомы кризиса левых в неолиберальную эпоху.

2.1. Много вопросов и один ответ.

Для успеха любого социального протеста недостаточно, чтобы он был обоснован только *морально* и личными, субъективными предпочтениями альтернативы социального развития. Чтобы изменить общество, необходимо знать, *каким образом оно, сообразно своим объективным свойствам, способно измениться* и кто, *какая социальная сила*, способна его изменить и удовлетворить назревшие общественные потребности. Позитивная программа имеется у каждого политика, хотя бы в виде туманных обещаний, а вот научное понимание объективных общественных возможностей реализовать эту программу имеется далеко не у каждого. Наличие такого понимания и отличает подлинного революционера/реформатора от популиста.

Иначе говоря, социальный протест должен быть конструктивен, прежде всего, для самих протестующих. А это означает их *самостоятельность*. Как говорил Маркс, «в политике ради известной цели можно заключать союз даже с самим чертом, – нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя».² В политической и идейной самостоятельности протестующих – залог того, что их возмущение окажется *практически* созидательным и *осознанным*. Иначе их вполне оправданный протест легко станет игрушкой в

руках наиболее сильных политических игроков, как это бывало в новейшей истории не раз.

Вспомним программу социальных перемен тех политических движений, которые дали толчок всем постсоветским трансформациям: «свободный рынок», представительная демократия, «религиозное» и национальное «возрождение». Но если это – действительная альтернатива «советскому ГУЛАГу», то почему сторонники этой программы, уничтожившие «совок», остались столь недовольными ее реализацией позже? Им не дали ее воплотить должным образом? В таком случае, не была ли она изначально утопией и в самом ли деле она выражала чаяния позднесоветского гражданского общества? Можно ли сказать, что те, кто составлял послушную и искреннюю паству проповедников этой программы, действовали в те годы сообразно своим интересам и были идейно и политически *независимы*?

А если обратить свой взгляд за границу?

Можно ли считать политически и идейно *независимыми* тех, кто митинговал на киевском Майдане с ноября 2013 года, по сути, ради той же программы? (И являются ли политически и идейно *самостоятельными* те, кто приходит сейчас на митинги либеральной оппозиции в России ради той же обанкротившейся программы?)

Могли ли надеяться на независимость своих «народных республик» те, кто штурмовал ради них областные администрации в Донецке, Луганске, Харькове?

Можно ли считать политически и идейно *самостоятельными* испанских, французских и австрийских социалистов, немецких и шведских социал-демократов, греческих левых из партии СИРИЗА или английских лейбористов, коль скоро они, приходя к власти, реализуют не свои, не левые, а *неолиберальные* программы в интересах господствующего класса, как это часто случалось в последние десятилетия?

На все эти вопросы, касающиеся разных стран и разных общественно-политических ситуаций, можно ответить одинаково: *нет*.

2.2. Процесс ради процесса, но не революции.

Все эти протестные движения, которые по своим потенциальным или объективным результатам не выходят за пределы буржуазно-демократических требований, – составляют в наибольшей степени формализованный, регламентированный карнавал, не столько «праздник непослушания», сколько его *симуляцию*. Их форма стремится стать отдельной от содержания, стать самостоятельной, стать своеобразным искусством для искусства, как это произошло в событиях Парижского мая 1968 года и в практике левацкого и право-радикального акционизма. Все они (практически или в потенции) представляют собой *контролируемый переворот* (называемый журналистами обычно совершенно неудачным термином «цветная» или «оранжевая революция»; неудачным, ибо как раз революционные, отрицательные, последствия такого переворота отнюдь не очевидны) в котором:

а) массы не осознают своих целей, принимают цели господствующего класса за свои собственные и идут за выдвинутыми им вождями (условным А. Навальным). Эти вожди провоцируют и используют массовое недовольство, но стараются не допускать, чтобы рядовые граждане задумывались о его глубинных причинах («не рефлекслируйте, а распространяйте» (А. Навальный)); нужно, чтобы их недовольство оставалось аморфно недифференцированным и направленным на абстрактные, заведомо недостижимые, цели (такие, к примеру, как «искоренение коррупции») или, наоборот, на цели конкретные, но лишённые позитивного общественного содержания: «долой Путина» и т.п. Тогда массами будет легко управлять;

б) по отношению к действующей власти насилие должно быть минимально. Дескать, лучше все решить путем межэлитной и внутриэлитной борьбы, в которой достигаются закулисные договоренности. В либеральной демагогии это звучит как гимн представительной демократии и реформам. Массам отводится роль инструмента давления на правящие группировки. Поэтому поведение «обиженной элиты» часто нерешительно;

в) цели, которые должен воплотить политический переворот, облекаются в требования либерального конституционализма, свержения «тиранов», провозглашение прав и свобод, то есть, это – цели исключительно политического и формально-правового толка;

г) всегда уже есть некие образцы политических институтов и практик (обычно зарубежные или из собственного прошлого), на которые следует ориентироваться. Таким образом, внешнее управление революцией может быть не очевидным, часто оно проявляется на идеологическом уровне – всё того же следования идеологическим образцам. Может быть, эти образцы сами по себе и хороши, да только вопрос об их практическом, естественном произрастании в местных условиях в принципе не ставится. «Хорошие» социальные институты фигурируют в качестве растений, способных прижиться на любой общественной почве и годных для любых социальных условий, которые нет необходимости изучать, ибо они представляются всюду одинаковыми. Те, кто смеется над попытками Н.С. Хрущева выращивать кукурузу в средней полосе России, точно так же поступают с общественными институтами, полагая, что они годятся для любой социальной среды и, не задумываясь о последствиях насильственного их взращивания. С этим так же связана фарсовая сторона «цветных» переворотов: заимствованные готовые шаблоны, символика, образцы программ, политического поведения, не соотнесенные с объективной общественной реальностью в конкретном социуме, последовательно доводятся до абсурда.³

Все подобные «цветные» или «оранжевые» перевороты возможны лишь в условиях системного кризиса капиталистического способа производства, в странах, переживших перед этим период национального капиталистического развития. Во время данного кризиса (начавшегося примерно в первой половине XX века) капиталистические отношения оказались встроенными в политико-административные, силовые общественные связи, контролируемые крупным

капиталом и высшей бюрократией. Эти последние при особых условиях могут ориентироваться не на национальный интерес, а на интересы глобальных игроков (ТНК, евробюрократии и т.д.). Национальная мелкая и средняя буржуазия (основная движущая сила буржуазно-демократических революций) в этом случае не в силах выразить свой былой общественно-созидательный потенциал. Для его развертывания требуется свободная внутренняя политическая и интеллектуальная мощь, а не воспитанные на грантах и теневом финансировании «вожди». Время Великих буржуазных революций, наполненных «штурмом небес» – социальным экспериментированием и новаторством – для капиталистического мира прошло.

2.3. Такая разная зависимость пролетариата.

Во всех же «оранжевых» случаях мы наблюдаем одно: как совершенно оправданный с моральной и всякой другой точки зрения социальный протест низов (которые выступают классово недифференцированной массой) трансформируется так, что все выгоды от него получают не сами протестующие, а наиболее прозорливая и удачливая группировка господствующего класса. Причем, этому способствуют *сами протестующие*, используя идеологемы, которые искажают смысл и содержание их интересов. Очевидно, что конечная причина превратных результатов политической активности левых кроется в их политической и идейной *зависимости* от верхов.

Но суть дела в том, что за этой зависимостью скрывается другая – зависимость от власти и собственности имущих самого *рабочего класса* – социальной базы левых. Монархизм испанских социалистов, традиционализм КППРФ или оппортунизм английских лейбористов – этот конформизм партийной номенклатуры не стал бы общественно-политическим фактором, если бы он не выражал массовый конформизм самого рабочего класса, его собственные буржуазные иллюзии. В этом смысле партийная номенклатура оказалась единой с ним, а, вместе с ней, выходит, оказался единым с ним и сам господствующий класс. Так в 50-60 годы XX века сложилось *общество межклассового*

консенсуса. Насколько же политически слепы те левые деятели, которые в этих условиях пытаются копировать Ленина или Троцкого, словом, действовать так, будто за их спинами – «стройные ряды революционного пролетариата»!

Конечно, рабочий класс и раньше зависел от капиталистов. Но если раньше эта зависимость была отрицательной и сводилась к антагонизму классовых интересов, то в условиях «социального государства» она стала означать высокую стоимость рабочей силы, когда покупательная способность трудящегося, а, следовательно, его потребности и интересы, превратились в центр обращения капитала, когда частная собственность стала *всеобщим* экономическим и психологическим фактором в духе «всеобщей частной собственности» (К. Маркс). Не случайно, что именно в этих условиях начинается упадок влияния классических революционных теорий освобождения пролетариата, в том числе и марксистских школ, которые деградируют до просветительской схемы. Причиной тому стали не какие-либо ошибки марксистов, хотя их было предостаточно. Сами эти ошибки имеют одну общую предпосылку: в условиях потребительской вакханалии 50-60-х годов промышленный рабочий класс удовлетворил свои базовые потребности и поэтому счел себя *уже* освобожденным, причастным к общественному богатству, не нуждающимся ни в каком новом освобождении. Антикапиталистическая (социальная) революция ему стала не нужна по той простой причине, что она в его представлении *уже* победила. Классовый антагонизм в его глазах стал выглядеть *фикцией*, а лозунги антикапиталистической революционности превратились либо в инструмент подчинения трудящихся государству (как при социал-демократических режимах, так и в обществах советского типа), либо в их самообман, поддерживаемый отдельными энтузиастами или крохотными коммунистическими сектами. В итоге во всем мире индустриальные трудящиеся утратили свой голос, свое специфическое мировоззрение, наконец, утратили верность идеологии, соответствующей их классовым интересам.

Глупо думать, что это – вина самих рабочих: они живут не для того, чтобы соответствовать партийным лозунгам и программам. Очевидно, что такова их, как сказал бы К. Маркс, «практическая иллюзия», порожденная общественными условиями их жизни в эпоху «социального государства» и мутированного капиталистического общества.

2.4. Рабочее движение vs «левый дискурс».

В условиях кризиса неолиберальной системы капитализма происходит оживление рабочего движения. Но, судя по объективным результатам и формам воплощения его борьбы, кажется, что оно начинает с нуля. Или даже с минусовой отметки, если учесть глубину его неудач последней четверти XX века.

Рабочее движение в наше время зачастую принимает идейные формы, в которых оно развивалось еще на заре индустриальной эры: в эпоху Т. Мюнцера, Т. Мора, Дж. Уинстэнли, чартистов, луддитов, левеллеров, диггеров и прочих «бешеных», аналог которых в перестройку назвали «демшизой». Марксистскую теорию самоосвобождения рабочего класса при этом заменяет теория просветительская, светская утопия или религиозный хилиазм, в которых трудящиеся фигурируют как объект организационного и идейного воздействия со стороны носителей Высшего Разума, осененного авторитетом К. Маркса. А сами классические марксистские понятия и концепции в лучшем случае обнаруживают свою недостаточность, становясь совершенно бесполезными с практической точки зрения, в худшем – даже реакционными. (Специально оговоримся, что сам по себе классический марксизм за это вину не несет, хотя в этом случае обнаруживается масса нерешенных проблем в его содержании⁴; однако в большинстве случаев так происходит по причине догматизма его сторонников, не желающих или не могущих понять специфику современности). Можно сказать, используя удачное выражение Б.Ю. Кагарлицкого⁵, что в этом

4

См. по этому поводу наше специальное исследование: А. Коряковцев, С. Вискунов. Марксизм и полифония разумов. Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2017. С. 684.

5

случае *левый дискурс* оказывается противопоставленным эмпирическому рабочему классу, превратившись в то, что старые марксисты называли «фразой».

Покажем содержательную исчерпанность левого дискурса в его «марксистско-ленинской» форме на примере понятия «империализм». Оно, использованное В.И. Лениным в работе 1916 года для обозначения «высшей стадии капитализма», в современных условиях теряет прежнюю смысловую четкость. Для Ленина в начале XX века «высшая стадия» означала *непосредственный канун* пролетарской революции, *преддверие* конца капитализма как такового. Всю сложность практического перехода от капитализма к некапиталистическим порядкам он тогда предполагать не мог, а когда их осознал после Октябрьской революции, тогда и написал о необходимости «оживлять» в Советской России капитализм, хотя и под контролем «рабоче-крестьянского государства»⁶ (проторив тем самым теоретическую тропу Дж. М. Кейнсу с его теорией «эффективного спроса»). Тем более мы не можем представить свое время в качестве эпохи полного созревания предпосылок уничтожения капитализма как такового. Кроме пустой левацкой фразы это ничего не дает.

Все это, конечно, не значит, что признаки империализма, выделенные Лениным (концентрация производства, образование монополий и сращивание их с государством, борьба за передел «уже поделенного» мира и т.д.), не верны или уже исчезли. Это только означает необходимость принимать во внимание факторы, ограничивающие империалистические амбиции держав и даже ставящие эти амбиции на службу трудящихся, которые вследствие этого часто превращаются в *соучастников* агрессивной политики империалистических сил (что наблюдал уже Ф. Энгельс⁷). Беда именно в том, что сама по себе

Б. Ю. Кагарлицкий. Между классом и дискурсом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.

6

Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 222.

7

Энгельс – Карлу Каутскому // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 35. С. 297.

констатация этого соучастия не объясняет, как поступать с этими бессовестными трудящимися.

2.5. От великих надежд к «обществу без оппозиции».

Имеется еще одна трудность. Она представляется самой серьезной.

Из учения Ленина об империализме как «высшей стадии капитализма», сформулированного в условиях мировой войны, следовала, как известно, идея о необходимости поражения «своего» правительства, дополняемая другой идеей – о перерастании империалистической войны в гражданскую, под которой нужно понимать *классовую вооруженную борьбу* с целью свержения европейских монархий.⁸ А это есть политическая цель буржуазно-демократических революций, не более того. Правда, Ленин не забывал ни на минуту, в интересах каких классов это должно произойти: прежде всего, в интересах трудящихся. В реалиях начала XX века все это звучало не столько пожеланием политического экстремиста, сколько выводом из факта наличия в обществе класса, способного встать под знамена антиимпериалистической/антикапиталистической революции и довести свою борьбу до конца.

Но вот с этим-то сегодня как раз проблемы. Уж если даже сам Ленин в «Что делать?», констатировал тот факт, что промышленный пролетариат не способен самостоятельно выработать социалистическое сознание, то еще с большей уверенностью мы сможем сказать это о современном рабочем классе. Однако если Ленину удалось создать рабочую партию, все же опирающуюся, если не на весь пролетариат, то на его сознательный авангард, то в настоящее время все попытки повторить этот исторический подвиг регулярно терпят крах, дискредитируя самую идею рабочей партии как некой политической обособленности. Так история подтверждает актуальность Манифеста Коммунистической партии Маркса и Энгельса, в котором акцент сделан на *политической самостоятельности* рабочих как на условии действительной

социальной революции и в котором рабочая партия трактуется, скорее, как широкое гражданское движение, чем замкнутая политическая организация.⁹

Так в настоящее время левые интеллектуалы повсюду в мире оказались в качественно новой ситуации: имея в своем распоряжении теорию, обобщающую революционный опыт рабочего класса промышленной эпохи (марксизм в лице разнообразных школ и направлений), они лишены возможности опереться на самый этот класс, ибо его революционное состояние осталось в прошлом. Г. Маркузе еще в 1964 году метко назвал это общественное состояние «обществом без оппозиции»¹⁰. Оно представляет собой парадокс: объект критики очевиден – это капитализм со всеми его противоречиями, но субъект социальной критики в обществе отсутствует, по крайней мере, как социально-политический субъект. Можно сказать и так: это общество, в котором *революционная теория есть*, а вот *революционного класса*, следовательно, *революционной практики – нет*. Приходится признать: когда Г.А. Зюганов высказал в 1992 году мысль о том, что Россия «исчерпала лимит на революции», то он тем самым выразил не столько сокровенную мысль охранителя, сколько констатировал очевидный факт, если под революцией понимать политическую *самодетельность* индустриального рабочего класса.

2.6. Левые на чужом поле без сил и помыслов.

Что бы ни предпринимали в этих условиях левые, пытаясь поднять рабочих на продолжение борьбы против капитализма, в любом случае это заканчивалось превращением всякой революционной теории в пустую фразу, а всех попыток реализовать на практике методы революционной политической борьбы рубежа XIX-XX веков – в ролевую игру, встроенную в общую логику «общества спектакля». С левым движением произошло нечто, напоминающее

9

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // Собр. соч. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. С. 437.

10

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Relf-book, 1994. С. X.

судьбу христианской церкви после превращения ее в III веке в государственную религию: оно раскололось на фундаменталистские секты, исповедующие своеобразный пролетарский хилиазм, и вполне добропорядочную партийную номенклатуру (социал-бюрократию, «коммунистический клир»), интегрированную в господствующую политическую систему на правах «системной оппозиции». Так на Западе сложилась «управляемая демократия» (рождение которой одним из первых зафиксировал еще в конце 40-начале 50-х гг. М. Хоркхаймер¹¹), экспортированная в 90-х годах почти на все постсоветское пространство при полной поддержке «демократической общественности».

По причине отсутствия в настоящее время под собой самостоятельной социальной почвы, левые обречены играть на чужом поле – либо на поле интересов правительства, либо на поле интересов «либеральной оппозиции», которая в действительности представляет собой лишь ту часть правящего класса, которая по тем или иным причинам оказалась обделенной высшей властью, а также представляет интересы внешних игроков, как в плане корпоративного бизнеса, так и в форме государств старого капиталистического центра. В первом случае мы видим «соглашательство», во втором – «сектантство», когда левые тяготеют к «майданному» направлению. Причем, в последнем случае они впадают в противоречие с настроениями, царящими в среде самого эмпирического пролетариата, стабильно голосующего за политических лидеров, выступающих под консервативными лозунгами вроде М. Сальвини, С. Курца, М. Ле Пен, В. Орбана, А. Меркель или В.В. Путина, но в духе «реальной политики» и казенного патриотизма. В обоих случаях для рабочего движения получается мало прибыли.

Возникает вопрос: какой смысл лезть левым в чужую игру по чужим правилам и в интересах своих политических противников? Приписываемая Наполеону стратегия «ввяжемся в драку, а там посмотрим», исповедуемая ныне некоторыми левыми интеллектуалами на том основании, что она была успешно

11

Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, Реабилитация, 2011. С. 141.

испробована в свое время большевиками, в современных условиях обречена на провал по той простой причине, что у левых сейчас объективно нет сил на то, чтобы *самостоятельно* «ввязаться» и «посмотреть».

2.7. Неолиберальная служба левых и подлинный радикализм.

Внутренние противоречия левого (протестного) движения, как в России, так и во всем мире, его неспособность внятно, самостоятельно и убедительно сформулировать альтернативу неолиберальному порядку, являются основной причиной воспроизводства последнего.

Так или иначе, контролируемое правящими кругами протестное движение в его либеральном и лево-либеральном варианте, участвует в воспроизводстве неолиберализма¹² и потому само является объективно реакционным. В этом результате наиболее последовательно проявляется идейно-политическая *несамостоятельность* протестующих. Господствующая модель собственности и власти оказывается просто безальтернативной так же, как оказывается безальтернативным В.В. Путин на фоне прямо или косвенно контролируемой Кремлем либеральной и прочей «системной» и «несистемной» оппозиции. Режим «управляемой демократии» в России устоялся, и не потому, что он хорош сам по себе, а потому что все остальные сценарии развития страны, предлагаемые оппозиционными политиками, гражданскому обществу представляются либо неисполнимыми, либо наихудшими. Иницилируемая оппозицией волна социального протеста разбивается о здравый смысл обывателя (в том числе и из рабочей среды), поддерживающего правительство как наименьшее зло. На каждую «Болотную» находится «Поклонная». Если критерием гражданской зрелости считать осознанность своих интересов, а не бездумное следование красивым лозунгам *вопреки* своим интересам, то окажется, что в России имеется одно из самых зрелых гражданских обществ в мире, несмотря на то, что говорят на этот счет либеральные стереотипы.

¹²

Исследованию того, как это происходит, посвящена книга: Б. Ю. Кагарлицкий. Между классом и дискурсом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.

Таким образом, в современном обществе сама социальная революция превращается в *симулякр*. Воспроизводство симулякров становится здесь тотальным и распространяется даже на сферу их отрицания. Поэтому, к слову говоря, в современном «обществе симулякров» *правые* правительства нередко занимаются тем, чем должны заниматься *левые*, а последние – часто тем, что раньше было делом *правых*. «Очевидное», «явление», «слышимое» и «видимое» составляют здесь теологию повседневности, исключая любую скрытую сущность. Единственное, что противостоит этому номинализму в сфере теории – это *анализ*, а в сфере практики – *неучастие* во всех этих дискурсивных «явлениях», включая самые «революционные» и «радикальные» по их «дискурсу».

Вспомним еще раз К. Маркса: быть радикальным – это не значит занять какую-либо крайнюю позицию (как очень часто считают наши левые), на самом деле «быть радикальным – это значит понять вещь в её корне».¹³ И не более того. В случае левых – это значит исходить не из своих «социалистических» хотелок, способных лишь породить очередной утопический проект. Это значит: выводить свои программы из объективных свойств современного общества, из возможных тенденций его развития.

Общество изменится не потому, что вы так захотите, и оно изменится не так, как вы захотите. Оно все это сделает так, как *само* захочет и на что *само* способно. Собственно, с признания этой незатейливой мысли и начинается истинный революционный радикализм. Все остальное – варианты политической *умеренности*. Поэтому *неучастие* в данном случае является эвфемизмом конкретной практики (в чем она состоит, мы обсудим ниже), поскольку участие в практической деятельности, заведомо обреченной на провал – в высшей степени абстрактно и бессодержательно. Политической борьбой имеет смысл заниматься не для того, чтобы совершать красивые подвиги, а для того, чтобы *побеждать*.

«Практика» современных «лево-радикалов» не менее отвлечена от реальности победы рабочего класса, нежели самая отвлеченная теория. Любителям противопоставлять революционную практику теории стоит напомнить, что на самом деле теория противостоит другой теории, а не практике как таковой, которой она проверяется и которой служит. Так и практика может быть противопоставлена не теории «вообще», а только другой практике: если вы действуете, исходя из ложных принципов, то ваши действия есть лишь их продолжение и им противостоят действия, освещенные другой, истинной теорией.

В чем же выход? В чем заключается магистральный путь, выводящий человечество из затянувшегося кризиса капитализма и таящий в себе возможность разрешения его противоречий? Или мы должны согласиться с тем, что наступил пресловутый конец истории?

3. Условия и возможности левого движения во второй половине XX – в первой половине XXI века.

3.1. «Социальное государство» «свернутого» и «универсалистского» типа.

Со времен Великой мировой социальной революции первой половины XX века, покончившей со свободным рыночным развитием, все без исключения промышленно развитые страны мира движутся в пределах превращенных форм капиталистического способа производства. Это происходит потому, что данное общество сохраняет в себе главное завоевание этой *настоящей* социальной революции – так называемое «социальное государство» – совокупность правительственных практик, направленных на повышение стоимости совокупной рабочей силы. Оно может быть представлено «универсалистским» (советским или ранне-социал-демократическим) вариантом, то есть, таким, в котором достигнут максимально возможный (для данного общества) уровень перераспределяемого продукта и максимально равные права в его потреблении

и освоении. Но оно может существовать и в неолиберальном, «свернутом», виде, когда объемы перераспределяемого продукта сокращены, однако, институционально оно продолжает существовать.

С одной стороны, в обществе, в котором реализовано «социальное государство», особенно первого типа, зреет общественная потребность пойти дальше и создать условия не только для присвоения трудящимися общественных богатств, но и для их *освоения*. Это предполагает наличие у трудящихся свободного времени, развитые многообразные потребности и доступные средства их удовлетворения. А с другой стороны – в подобном обществе имеет место неспособность, а, подчас и нежелание, производительных сил это сделать. Подобная двойственность и приводит к вышеописанной ситуации, когда даже попытки революционизировать данное общество становятся бессильными симулякрами.

3.2. Тонкости капиталистических превращений.

«Социальное государство» как в универсалистском виде, так и в свернутом («неолиберальном») варианте, есть *инструмент управления трудящимися*, используемый социал-бюрократической или буржуазно-бюрократической корпорацией в своих интересах, а не самая *власть трудящихся* (которая в условиях индустриального разделения труда представляется эфемерной, только *лозунгом*, но не *практикой*).

«Социальное государство» – это отнюдь не социализм в «марксистском смысле» как *общество*, преодолевшее классовые и сословные противоречия, это социализм как *функция* определенного общественного института – общественного перераспределения. Его социально-психологической основой является *платежеспособный потребитель* с его разнообразными потребностями, а его экономическим ядром – *социально-ориентированная перераспределительная система*, опирающаяся на *управляемый рынок* (отнюдь не «свободный», а как раз ограниченный, ибо управление – это всегда ограничение, незавершенное отрицание). Данная система поощряет

«эффективный спрос», основным субъектом которого является рабочий класс. Поскольку в данном обществе развитие экономики подчинено его потребностям, хотя и не выходящими за рамки т.н. «консюмеризма», то можно сказать, что в данном обществе реализована *экономическая диктатура рабочего класса* (можно сказать: *мелкобуржуазноориентированного рабочего класса*). Благодаря этой системе обществу, при определенных условиях, удается решать задачи, выходящие за рамки экономической необходимости, например, развивать космическую индустрию или здравоохранение. Как удачно когда-то сказал Б.Ю. Кагарлицкий, «социальное государство» является «социалистической подпоркой капитализма», которая сглаживает негативные последствия рыночного развития и содержит перспективу некапиталистического развития. Коль скоро это происходит, то «социальное государство» вполне резонно считать *распределительным* или *паллиативным социализмом* – но продуктом не столько преодоления, сколько *превращения*, незавершенного отрицания (частичного преодоления, частичного воспроизводства) капиталистических общественных отношений. С формационной точки зрения это – отнюдь не «чистый капитализм» (описанный К. Марксом в «Капитале»), а переходный тип капиталистического общества, причем, переходный не *от* капитализма к *анти-* или посткапитализму, а между разными моделями его превращения. Так, например, паллиативный советский социализм (с его скрытыми рыночными отношениями, имеющими разный правовой статус и экономическое воплощение) сменился отнюдь не свободным рынком, а экономикой бюрократической ренты (экономикой «откатов») – *паллиативным капитализмом*.

«Чистые» рыночные отношения (и, следовательно, сама «гражданская» буржуазия) оказались в процессе «рыночных реформ» 80-х – 90-х гг. всего лишь *легализованы* и встроены в политико-административные связи, подчинены высшим эшелонам государственной бюрократии, ее интересам и ее логике. Другое дело, что эта последняя сама оказалась не прочь конвертировать свою власть в капитал и потому сама может считаться «буржуазной». Ее господство –

это отнюдь не *анти-* и не посткапитализм. Однако ее преимущество перед «гражданской» буржуазией в том, что она в меньшей степени, чем последняя, зависит от капризов рынка, ибо опирается на силу бюрократической ренты, фискальной системы, армии и полиции. По этой причине она обладает большими возможностями для социального маневра, нежели гражданская буржуазия. Она способна, если понадобится, представить свой интерес как всеобщий интерес буржуазии и противопоставить себя рыночной стихии, то есть, эгоизму отдельно взятых капиталистов. Причем, она способна это сделать под любыми «протестными» и «левыми» лозунгами. С этим связаны как иллюзия преодоления ею капиталистических отношений, так и использование ею левых символов и риторики, доставшихся от советской эпохи.

3.3. Самообман «антикапиталистов» и потребность в рынке.

Переходы между моделями превращения капиталистического способа производства нет оснований считать *антикапиталистическими социальными революциями*. Если «социальное государство» – это лишь название перераспределительной системы, обеспечивающей высокую стоимость совокупной стоимости рабочей силы, а речь идет о том, чтобы только повысить ее стоимость, следовательно, о том лишь, чтобы создать наиболее эффективные перераспределительные институты, ее повышающие, то общество здесь движется лишь в пределах прежних стоимостных отношений. Они не революционируются, они совершенствуются в духе «общества всеобщей частной собственности», названного К. Марксом «грубым коммунизмом». Таким образом, здесь идет речь о внутреннем преобразовании капитализма, о его превращении/мутации, в лучшем случае – о создании условий его преодоления, но никак не о самом его преодолении.

Любое из современных протестных движений (даже самое «радикальное» по своему «дискурсу») не способно породить нового качества общественных отношений – по сравнению с теми, которые *уже* революционизировали общество в первой половине XX века. Протестные движения должны быть сами

революционизированы. А до тех пор, пока это не произошло, изменения способны ограничиться лишь сферой права и идеологии («надстройки»), заведомо искаженно отражающими действительные («базисные») общественные отношения производства и распределения общественных благ. По видимости здесь дело выглядит так же, как в эпоху буржуазно-демократических революций, когда в недрах старого (феодального) общества зарождались новые общественные отношения и взрывали его. Но, если мы возьмем для примера трансформацию советского общества, когда в годы перестройки происходила *легализация* гражданского рынка (в разных правовых формах притаившегося в недрах советского общества), то, по гамбургскому счету, все свелось к смене вывесок и коррекции форм бюрократической ренты, с которой только спала пелена «плановой экономики».

Если феодальные отношения и рынок относились друг к другу антагонистически, то, как оказалось в послевоенную эпоху на Западе и в постсоветскую эпоху в России, рыночные и рентные отношения, буржуазия и чиновники, друг друга *дополняют* и друг в друге нуждаются. Отношения между ними лучше всего описать с помощью категории *любви-ненависти*. Буржуазия воспроизводит для бюрократии объект управления и источник перераспределяемого продукта – рынок с его богатством и кризисами, бюрократия создает этому рынку не только трудности в виде фискальной системы и коррупции, но и оптимальные условия развития и условия выхода из кризисов. И пока продукт труда принимает общественную форму товара, позитивный потенциал этого социального порядка не будет исчерпан.

Пределом общественных образований «социальное государство» пока является постольку, поскольку сохраняет рынок и экономическое принуждение как таковое, вместе с тем, обеспечивая сносное существование трудящихся. Современные производительные силы нуждаются в рынке, ибо он составляет необходимое условие их функционирования в экономике, иначе говоря, поскольку они не способны без экономического принуждения организовать самостоятельное производство в силу сохраняющегося в обществе разделения

труда.¹⁴ Таким образом, «общество симулякров» возникло не только «всерьёз и надолго», но оно обусловлено самими объективными свойствами производительных сил, которые смогут преодолеть лишь они *сами*.

3.4. Социально-политический характер возвращения к «универсалистскому» «социальному государству».

Все это говорит о том, что для осмысления современной общественной реальности требуется уже иная социологическая оптика, более дробная, нежели классическая «марксистско-ленинская» дихотомия понятий «капитализм-социализм». Оставаясь в принципе верной для обозначения долговременных общественных процессов, она оказывается недостаточной в силу своей абстрактности для рассмотрения общественного развития, происходящего *здесь и теперь*. Если современное общество имеет переходный характер, если в нем отсутствует революционный класс, то оппозиция этих понятий не отражает все оттенки превращения капиталистического способа производства, все переливы его переходных моделей, все стороны форм его разложения в эпоху, когда он преодолевает свои *структурные* кризисы только благодаря углублению кризиса *системного*. Современный кризис капитализма заставляет пересмотреть не только марксистскую концепцию антикапиталистической революции, но и апологетику капитализма и заново поставить вопрос не только о механизмах воспроизводства капиталистического общества, но и путях его преодоления.

Таким образом, новый переход к «социальному государству», даже в его «универсалистской» и наднациональной форме, не предполагает *антикапиталистической* или *антибюрократической революции* в том смысле, что не предполагает изменения классовой структуры и господствующих форм собственности. Достаточно смены правящих группировок или вообще правительства – «революции сверху», то есть, революции «вторичной»¹⁵ или

¹⁴

К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2 ч. // М.: Изд-во политической литературы, 1980. Ч. I. С. 397.

¹⁵

А. Коряковцев, Л. Фишман. Оранжевые небеса буржуазных революций. О буржуазной генеалогии «цветных» или «оранжевых» переворотов <http://svom.info/entry/736-oranzhevye-nebesa-burzhuznyh->

структурной перестройки, лишенной радикальных социальных новаций. К подобным общественным изменениям правящий класс могут принудить особые обстоятельства – либо массовый низовой протест, либо потребность консолидировать нацию в условиях внешней угрозы, как это было, к примеру, в странах Запада в период Первой и Второй мировых войн. Да может и смены правительства не понадобится, как не понадобилось кайзеру менять Бисмарка на его посту, дабы проводить социальные реформы, необходимые для сплочения общества и для того, чтобы обеспечить тыл для армии в виду постоянной угрозы войны с Францией.

Подчеркнем повторением, что может произойти так: правящая группировка окажется слишком инертной, чтобы совершить реформаторский маневр и продолжит неолиберальный курс. Безусловно, это приведет к катастрофическому ухудшению жизненных условий большинства населения, и массовое возмущение станет неизбежным. На это обычно упирает нынешняя «несистемная» «радикальная» оппозиция. Но слишком опрометчиво предполагать, что этот протест способен стать последовательно *антикапиталистическим* или *антибюрократическим*, хотя в своих лозунгах и программах его сторонники могут называть его таковым. В современных общественных условиях способна произойти только смена группировок правящего класса, когда к власти придет более дальновидная или, напротив, еще более близорукая из них. В любом случае это будет лишь *видимостью* «Великой» социальной революции, «майдан» или «оранжевая революция» с ее внешне непредсказуемым результатом, а на деле – всего лишь изменение *внутри* господствующей формы собственности, очередная мутация капитализма, но никак не его качественная, *революционная* трансформация. Иначе говоря, не переход между формациями, а продолжение глобального перехода, начавшегося ранее, в начале XX века. По сути, с советских времён мы видим лишь подобные вариации одной и той же социальной модели, её *структурные превращения*.

3.5. Между неомеркантилизмом и неолиберализмом.

Пережив свой расцвет в индустриально развитых странах в 60-е годы, в 70-е «социальное государство» вступает в эпоху кризиса, а в 80-е заменяется *неолиберальной моделью*, при которой происходит снижение стоимости совокупной рабочей силы под видом «адресной помощи» ради «свобод». После краха СССР подобные процессы становятся почти повсеместными. Правда, при этом «социальное государство», как было уже сказано, *институционально* сохраняется, сокращаются лишь объемы перераспределяемого продукта.

Мировой кризис 2008 года и его последующая волна стали, так или иначе, результатами свертывания «социального государства». В этих условиях рабочее движение получило мотивационный толчок. Мы часто слышим о рабочих восстаниях (шахтеров в Донецке в 2014 году, о крупных забастовках в Индии в 2015 году, во Франции, Дании и США в 2018-19 и т.д.). Действительная цель и предел этой борьбы, предпосылаемые не желаниями ее участников, а объективным уровнем развития мировых производительных сил, – это все то же «социальное государство», только в «универсалистских» объемах.

Таким образом, *пока* высвечиваются следующие варианты эволюции современной версии периферийного *капитализма*. Поскольку в обществе отсутствует *революционный класс*, они определены интересами разных группировок господствующего класса. Одна из этих группировок стремится сохранить связь с мировой элитой и зависимость от нее, другая – остаться самостоятельной силой. Каждая из них контролирует значительную часть гражданского общества, которое, таким образом, оказывается расколотым. В современной России – это раскол на прозападный «либеральный» лагерь и «ватников»-патриотов-охранителей.

Первый, условно говоря, «майданный» вариант извне управляемого компрадорскими силами переворота – последовательно реализован в Прибалтике, Грузии и на Украине. Но его опасность имеется во всех постсоветских странах, включая Россию. Опасен он откатом в «лихие 90-е» и

утратой государством фактической независимости. Поскольку левые объективно слабы в силу отсутствия в обществе революционного класса, на который бы они могли бы опереться, то они не смогут помешать этому регрессу. Их участие в протестах, организуемых либеральной оппозицией, как бы они от нее не пытались дистанцироваться, чревато для них в будущем катастрофическими репутационными издержками. С другой стороны, правительство, затягивающее в условиях кризиса и внешнего давления социально-ориентированные реформы или пытающееся отделаться полумерами, объективно готовит реализацию «майданного» варианта в самом разрушительном виде. Таким образом, и в государстве и в гражданском обществе есть силы, его воплощающие.

Второй – «неомеркантилистский»¹⁶ вариант, представляет собой отход государства и крупного капитала от неолиберальных, фритрейдерских, практик в сторону протекционизма, поощряющего развитие отечественной промышленности. Неомеркантилизм к 2019 году уже стал фактом мировой политики. Переход к нему национальных экономик есть вынужденная мера, есть реакция на внешние условия, реакция выживания национального капитала и связанной с ним группировки высшей бюрократии. Исходный пункт здесь – именно давление внешних обстоятельств, а не *внезапное* озарение элиты. В тех отраслях, где российская (как и любая другая) экономика соприкасается с мировой, там начинается переход от свободной торговли к неомеркантилизму (например, расширение производства молока в Ленинградской области вместо закупок белорусского, индеек на белгородщине, вывоз мяса из России во Вьетнам, организация собственного производства устриц, пармезана, обновление чёрной металлургии и т.д.). В России этот процесс сдерживается рентным сектором, убогим внутренним рынком, недалекостью и компрадорством провинциальной буржуазии и чиновничества. Из этого следует, что новая стратегия будет прокладывать себе дорогу через политическую

16

В. Колташов. Российский капитализм будет драться // http://so-l.ru/news/y/2018_01_30_rossiyskiy_kapitalizm_budet_dratsya (Режим доступа: 21.04.2018); Коряковцев А.А., Колташов В.Г. Новейший поворот в мировой экономике // Эксперт Урал. 2019. № 23. 3-9 июня. С. 32.

борьбу между компрадорской и национальной частями господствующего класса. Что уже и происходит.

3.6. Как надвигается и что меняет неомеркантилизм.

Преждевременно говорить, что неомеркантилизм в России победил. Он скорее фиксируется как возрастающая тенденция. Причём, его победа отнюдь не детерминирована, а решается в политической борьбе и под давлением внешних обстоятельств. В принципе, фритредерство может снова стать господствующей тенденцией, как в «святые 90-е». Для России это обернётся новой катастрофой.

С точки зрения общественных интересов неомеркантильное направление представляется наиболее перспективным, хотя оно и может быть облачено в реакционную, консервативную и националистическую идейную форму. Рост промышленности неизбежно приведет к росту численности и влияния трудящихся, организованная борьба которых способна подготовить возрождение, в той или иной форме, универсалистского «социального государства». Конечно, связь между протекционизмом и «социальным государством» – отнюдь не прямая. Она опосредована политической и экономической борьбой трудящихся. Но для успеха этой борьбы необходимо, как минимум, чтобы их численность возросла, чтобы они осознали себя как *самостоятельный класс*, а буржуазия и бюрократия – свою зависимость от них. Все это возможно только в условиях господства и роста промышленного капитала.

Какой из этих двух вариантов общественного развития победит – это вопрос политической борьбы в среде господствующего класса.

Назревающий (только назревающий) «кризис верхов» в России выражается не только и не столько в репрессивных мерах государства, среди всего прочего, ограничивающих пользователей социальных сетей. Значение этих мер сильно преувеличено. Например, блокировку сети Телеграмм по требованию Роспотребнадзора уже поспешили объявить даже признаком

революционной ситуации.¹⁷ Но этот конкретный запрет касается интересов относительно небольшого количества населения, он не затрагивает базовые общественные потребности и не выходит за рамки запретов, принимаемых на Западе: почти одновременно с блокировкой Телеграмм Еврокомиссия высказалась за то, чтобы облегчить доступ спецслужб к социальным сетям; вспомним так же о том, что после 11 сентября 2001 года власти США приняли «Патриотический акт», чтобы на законных основаниях перлюстрировать электронную почту и прослушивать телефоны граждан. Однако все это не дает права утверждать, что в ЕС и США возникла или назревает революционная ситуация. Репрессивные меры по отношению к гражданскому населению в России вообще в настоящее время не выходят за рамки принятых в неолиберальном мире стандартов и если увеличиваются, то в полном согласии с мировыми. Все это может свидетельствовать о кризисе мировой неолиберальной системы, но никак не о том, что именно в России и только в ней назревает кризис, да еще и революционная ситуация.

В будущем, возможно, Роспотребнадзор заблокирует и Фейсбук (уже пригрозил). По общественному резонансу, в силу особой значимости этой сети для российского гражданского общества, эта мера будет вполне сопоставима с «сухим законом», принятым советским руководством в 1985 году. И, возможно, социальные последствия будут такими же: социальное раздражение значительно возрастет. Но *политические* последствия это может иметь только вкупе с другими вероятными обстоятельствами: качественным снижением уровня жизни, серьезным внешнеполитическим поражением и т.д.

3.7. Левые и кризис верхов.

Скорее, «кризис верхов» в России выражается в том, что господствующий класс *уже* расколот. Он выдвинул в 2017-18 годах из своей среды реформаторов, каждый из которых представляет один из вышеупомянутых

17

. Б.Ю. Кагарлицкий. Революционная ситуация без революции? // <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/04/18/wheretherevolution/> (Режим доступа: 21.04.2018)

вариантов общественного развития: «майданного либерала» Алексея Навального и от КПРФ – Павла Грудина, представляющего вечно колеблющееся и популистское среднебуржуазное «протекционистское» направление. Оба противостояли действующему президенту, воплощающему последовательную непоследовательность в политике реформ. «Кризис верхов» выражается в остром противоборстве группировок власть и собственность имущих.

Как правило, «несистемные левые» не рассматривают Навального в качестве представителя господствующего класса, а силы, выдвинувшие Грудина (отнюдь не сводимые к КПРФ), не считают реформаторскими или (что более вероятно), способными своей критикой повлиять на реформы сверху. Это свидетельствует об искаженном восприятии «несистемными левыми» социальной действительности, о переоценке ими своих возможностей и об их неверном понимании перспектив развития общества.

Левые силы в целом показали неспособность объединиться на основе поддержки протекционистских и социально-ориентированных реформ, показали свою тактическую и организационную слабость (не говоря уж о теоретической). Левацкая критика Грудина закономерно и объективно прозвучала эхом его «мочилова» со стороны кремлевских либералов. Между тем, левым стоило принять во внимание особый характер этих выборов. Их исход на практике был предрешен. Поэтому они являлись не столько инструментом легитимизации президента (режима), сколько своеобразным *социологическим опросом*, так или иначе, проверяющим уровень социального раздражения в обществе и влияющим на будущую программу власти. Поэтому необходимо признать, что не без помощи «независимых» левых блогеров, громких сект и «вождей» потерпели поражение не Грудин и не КПРФ; потерпела поражение или была ощутимо ослаблена социальная повестка, представленная ими (пусть даже в воображении их электората). Не встретив во время выборов широкого сопротивления (и даже ощутив неожиданную поддержку со стороны «несистемной» левой), власть вначале присвоила

социальную повестку, а потом и вовсе позволила себе «непопулярные» либеральные реформы: пенсионную и «мусорную».

Однако общественная повестка дня в ходе выборов 2017-18 годов сместилась влево, и это создало для властей неожиданно неприятный фон. Новые неолиберальные реформы не прошли незамеченными, а ударили по рейтингу президента, которого в ходе выборов многие стали воспринимать как социально ориентированного политика. Между тем, будь агитация против Грудинина на выборах со стороны «несистемных левых» менее яростной, давление общественных настроений на власти могло бы остудить пыл сторонников новых либеральных социальных реформ. Впрочем, КПРФ для этого тоже должна была не имитировать агитацию за Грудинина, а реально ее вести. Потому руководство КПРФ несет ответственность за итоги и политические последствия избирательной кампании. Зато либеральная оппозиция (тайная сестра либерального крыла высшей бюрократии) смогла опереться на непопулярные меры нового правительства, и «несистемные левые» прямо и косвенно поддержали ее новую информационную атаку.

Что касается революционной ситуации в современной России, то она, если и складывается, то шиворот-навыворот, судя по итогам президентских выборов 2018 года: Низы не знают, чего они хотят, верхи не знают, чего они могут и должны мочь. Все застигнуты врасплох новыми историческими обстоятельствами. Но отсюда никаких революционных (в научном смысле этого слова) выводов сделать невозможно.

4. Стратегия и тактика левых в условиях «общества без оппозиции»

4.1. Классовая и патриотическая среда.

В эпоху, когда в обществе отсутствует революционный класс, когда многочисленные попытки левых энтузиастов организовать по примеру Ленина партию как «авангард трудящихся» постоянно терпят крах, поскольку созданные политические организации либо остаются немногочисленными сектами, либо встраиваются в господствующие политические структуры в

качестве «системных партий» или их спойлеров, в подобной ситуации общество способно развиваться лишь в силу обострения противоречий внутри господствующего класса. В этом случае общественное развитие происходит не в непосредственной борьбе организованных классов, осознающих противоречия между своими интересами, а в борьбе между организованными группировками капитала и бюрократических группировок. При этом нередко эти группировки свои и общественные проблемы стараются решать за счёт низов, пытаясь их поднять на управляемый протест. Часто это им удается сделать в силу несамостоятельности и незрелости последних. В этом случае низы неизбежно утрачивают часть своих прежних завоеваний.

Поэтому, если ставить вопрос о рациональной стратегии протестного движения в период его новейшего *становления*, то, не имея социальной базы и будучи ограниченным узким кругом энтузиастов, оно должно заняться, прежде всего, *собой*, самоорганизацией и собственной теорией, во что бы то ни стало, отстаивая свою идейную и политическую *самостоятельность* и независимость от каких бы то ни было политических сил. Крайне важно разоблачать или поддерживать противоборствующие стороны не в пользу одной из них, а в пользу решения *конкретных социальных вопросов*, которые сами левые решить пока не в состоянии, зато которые можно заставить решить правящие круги, используя их страх перед противником (внешним и внутренним). Связывать свое будущее левые нового периода истории должны не с какой-либо политической силой, а с объективно складывающимся вариантом общественного развития. Подобный вариант упомянут нами выше: это «неомеркантилистский» путь с его протекционизмом и усилением национального промышленного капитала в ущерб капиталу торгово-спекулятивному и компрадорскому.

«Что же? Мы должны стать патриотами?» – возмущенно воскликнет по этому поводу какой-нибудь представитель оппозиционной общественности.

Между тем, и правительство и оппозиционная общественность – оба одинаково ошибаются в оценке ситуации. Рост патриотических настроений в

стране на самом деле давно уже налицо. Но настолько ли однозначен их общественный результат? Патриотизму нередко удается придать разное направление. Он может быть оболочкой лояльности, но может стать и источником протеста. Исторических примеров тому масса, хотя бы война 1812 года и декабристская эпопея. Надо различать казенный патриотизм правительства и *гражданский патриотизм*, направленный против компрадорских чиновников и буржуазии. Последний нисколько не исключает критики отечественного правительства за неизбежную, обусловленную его классовой узостью, непоследовательность в реформах. Почему бы и не поддержать левым этот гражданский патриотизм, если им нечего противопоставить внешней экспансии, кроме красивых фраз столетней давности? Почему бы им не поддержать его, если при любом оживлении мирового и отечественного рабочего движения *гражданский патриотизм* может в будущем стать частью единой интернациональной освободительной практики, частью нового Интернационала трудящихся информационной эпохи?

Так или иначе, но политическую самостоятельность левым может дать только оживление освободительной борьбы самого рабочего класса (в том числе и новых, «информационных», отраслей производства). Чтобы трудящиеся стали вновь действовать *самостоятельно*, понадобится в первую очередь их *собственное* политическое и культурное развитие. А оно созревает не один год и даже не одно десятилетие и включает формирование гражданской общности, республиканских идеалов, демократической этики. Важность имеет социальное и культурное развитие нации, а также накопление трудящимися имущества и высвобождение личного времени.

Понадобится и работа нескольких поколений мыслителей, вырабатывающих новое понимание общественной действительности, новую стратегию и тактику политической и экономической борьбы, новые лозунги и программы на основе изучения *превращенных форм капитализма* и борьбы самих трудящихся, пусть пока малопродуктивной и стихийной.

4.2. Определение маршрута.

Историческое развитие ставит перед левыми интеллектуалами новые проблемы. И теоретические – прежде всего. Судя по последним публикациям, левое движение справедливо начинает осознавать себя не как решение социальных проблем, а как воплощенную проблему.¹⁸ Хотя это даже еще не признак выхода из кризиса, однако, это дает некоторую надежду, что кризис будет рано или поздно им преодолен.

Мы находимся только в самом начале этого пути, который не будет ни простым, ни прямым, ни быстрым. Правда, прохождение его может ускориться за счет новых технологий, облегчающих обмен информацией.

Его теоретическим результатом станет новая социальная теория, а практическим – новая *структурная перестройка* капиталистического хозяйства, возрождающая универсалистское «социальное государство» (распределительный социализм), но уже в какой-то новой, пока неведомой, форме (определяемой практически, в зависимости от обстоятельств) и в более значительных, желательно – в *мировых*, наднациональных, масштабах.

Всякая новая социальная революция (настоящая, а не «оранжевая») начинается в тиши библиотек и кабинетов, с теоретических кружков и банкетных компаний. Чтобы возникло *новое общество*, необходимо понять существующее, ибо новое общество может возникнуть только из предшествующего, под влиянием его законов, объективных свойств и противоречий, а не из благих пожеланий и нетерпения его критиков и не из подражания совершенным образцам, якобы существовавшим когда-то или находимых где-то в современности. Поэтому ближе всего сейчас к социальным переменам не тот, кто изучает тактику уличной борьбы, а тот, чье перо и взгляд острее и независимей. В этой связи не лишним будет вспомнить, что после поражения революционных баррикад 1848 года К. Маркс просидел более двадцати лет в Британской библиотеке, исследуя капиталистический способ

18

. Среди новейшей литературы посвящены этому вопросу две книги: А. Коряковцев, С. Вискунов. Марксизм и полифония разумов. Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2017. С. 684; Б. Ю. Кагарлицкий. Между классом и дискурсом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.

производства, а не бросился сооружать новые. Но кто назовет его даже после этого «умозрительным и кабинетным философом»?

Большой путь начинается не только с маленького шага. Самому маленькому шагу предшествует стремление куда-то идти, что-то изменить и главное – желание измениться самому: большой и грозный путь начинается с тихой и незаметной рефлексии.

Иными словами, «время скуки и учебы»¹⁹ для левых все еще продолжается. Ответ на вопрос «что делать?» сейчас неизбежно будет для них звучать не так, как у Ленина в 1917 или даже в 1901-1902 годах, а, скорее, как у Н.Г. Чернышевского или у И.С. Тургенева в 1862-63. Но разве Рахметову или Базарову было нечем заняться?

4.3. Главный вывод для левых.

Не праздник революции или массовых митингов под правильными лозунгами ожидает сейчас левых. Известно, как, зачем и кто собирает подобные митинги в России. Левые должны быть готовы отнюдь не к близкой победе социализма, а, наоборот, к неоднократным поражениям, к самообману трудящихся, к их наивности, пассивности, иллюзиям, к их податливости манипуляциям. Таково, например, участие в разного рода «фейковых» протестах, заведомо провальных восстаниях или поддержка «спойлерных» оппозиционных кандидатов на выборах. Все это – «практические иллюзии», изживаемые не чтением правильных лозунгов и книжек, а только практически, методом проб и ошибок, с течением времени. Но, только так, совершая и осмысляя свои собственные ошибки, протестное движение и способно развиваться.

Конечно, это не значит, что желающим перемен нужно отдалиться от практических дел и от борьбы в академические кресла. Это лишь означает, что понимание ими объективно ограниченных возможностей рабочего движения

19

должно уберечь их от завиральных, заведомо не выполнимых или абстрактных целей вроде «демократического социализма», «социализма 2.0» или «восстановления СССР», под которыми можно понимать все, что угодно, кроме реального преобразования общества. Общественную опасность несет практически выраженная вера в либеральную оппозицию как в авангард демократической революции. В реальности же, как показали события на Украине и Грузии, этот путь ведет к торжеству дикой неолиберальной реакции, социальной и экономической деградации общества.

Стоит учитывать и следующее: опасность для идейных левых (но не для левой идеи) во многом состоит в том, что российскую левую повестку может с успехом «отработать» любая политическая сила – от консерваторов, находящихся у власти, до прозападных либералов, находящихся в оппозиции.

Понимание всего этого поможет левым соблюсти правильный баланс между организационной, теоретической и просветительской направлениями политической деятельности. Этот баланс должен быть обусловлен действительными, а не спекулятивными, целями и потребностями развития общества. Левые программы должны наполниться конкретикой, связанной с повседневной жизнью так называемых «простых людей» именуемых иной раз и «буржуазными обывателями». Из этой конкретики, рано или поздно, вырастет – не просто «социальная повестка», которой бравируют и охранители, но содержательная социальная программа, подкрепленная научной теорией общественного преобразования эпохи *превращенных форм капитализма*. Иначе говоря, левая теория должна не отдалиться от практики, а, скорее, наоборот, стать *практичной*. Сама же левая практика должна стать вновь освещенной научной теорией, а не только моральным негодованием, как теперь.

Предлагаемая тактика – это не есть *желаемое*, это то, что воплощается уже сейчас, если вспомнить о повсеместно распространяющемся кружковом движении. Вопрос только в том, чтобы это движение стояло вровень со своими реальными задачами, а не было ниже их, ставя перед собой заведомо невыполнимые цели.

4.4. Подлинный путь преодоления кризиса.

Как мы уже отмечали, в 2017-18 гг. многим левым показалось, что усиление активности прозападной либеральной оппозиции (связанное с выборами президента страны) предвещает новую социальную революцию. Низкие темпы оживления экономики после обвала 2014-16 гг. и бедность масс выделялись ими как доказательства «развала управления» и материальные предвестники «великой бури». Прежде выглядевшие разумными люди даже выдвинули тезис о том, что Навальный есть Керенский настоящего времени, а за ним последует новый Ленин, и откроются во множестве вакансии вождей революции. Эти упования были удобны тем, что открывали для обиженных и недовольных граждан новую перспективу, но, с другой стороны, неудовлетворенность и амбиции левых активистов объективно оказывались на службе либеральной оппозиции. Ее кураторы и лидеры прекрасно понимали: никакого повторения 1917 года нет, и быть не может. Они без страха принимали левых в попутчики, так как сознавали, что в России Майдан не делается без левых максималистов, так же, как на Украине он не делается без крайних правых элементов.

В современной России имеется только две настоящие партии: партия высшей бюрократии и партия прозападной либеральной оппозиции. Левые (даже «системная» КПРФ) как самостоятельные политические субъекты на политическом поле страны де факто отсутствуют. В этой ситуации первостепенно важным для ответственных российских левых было и остается: 1) принципиально занимать антилиберальную позицию, не придаваясь самообману, и признавая вредоносность либералов во власти и оппозиции для развития страны; 2) воздействовать на бюрократическую партию критикой, разъяснением условий и объективно стоящих перед государством и нацией задач, выдвижением и продвижением своих предложений, добиваясь тем самым изменения социальной и экономической политики – достижения политики такого рода, что будет выгодна широким слоям трудящихся и обеспечит

общественный прогресс; 3) постоянно разъяснять обществу идущие в нем процессы, указывать на перспективы и стратегические интересы его самого, чтобы содействовать его созреванию субъективно; 4) получать и распространять новое знание, которое только и может дать идейную основу для формирования нового поколения левых.

Постсоветский социальный проект не оправдал всю совокупность надежд, связанных с ним, по причине состоящей отнюдь не в самих по себе протестных настроениях каждого отдельного его участника. Им было чем возмущаться, и они имели на это право. Причиной провала всех благих пожеланий, связанных с этим проектом, является *незрелость* и *несамостоятельность* современного освободительного движения трудящихся как такового. Образцы этой незрелости и несамостоятельности – киевский Майдан 2013-14 гг., гражданское восстание на Донбассе в 2014 году, навальнистское и лево-радикальное движение в современной России. Можно сказать, что «оранжевые революции» – это сорванные раньше времени цветы социальных революций, и засунутые в чужой букет.

Положение не останется таковым вечно, вопрос лишь в том *кто* и *какую роль* сыграет в процессе созревания действительной оппозиции на постсоветском пространстве.